

1-я экз.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

1915

№ 6

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

СОДЕРЖАНИЕ № 6.

† А. М. Коллюбинъ.

Обо всемъ: „Писатели и политика“, „Красивый брнетъ“, „Кто о чемъ“, „Позоръ Германіи или Дальскаго“.

Н. Н. Соколовъ. „Великіе европейскіе конгрессы“ (историч. очеркъ).

Леонидъ Добронравовъ. „Животворящее“ (разсказъ).

Солдатскія письма.

И. Накатовъ. „Въ желѣзномъ кольцѣ“ (статья).

Объ искусствѣ и литературѣ. „Вѣсти и мнѣнія“. И. „Германская литература и война“.

ХРОНИКА.

М. М. Ковалевскій — заложникъ (замѣтка Н. Бородина).

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И:

Заставки Д. Митрохина (стр. 2), **А. Ивановой** (стр. 15 и 16) къ статьѣ **Н. Н. Соколова.**

„**Заключеніе Вестфальскаго мира въ Мюнстерѣ**“.

Современная гравюра Сюддерхофа съ картины Терборха (стр. 3).

„**Заключеніе мира въ Нюрнбергѣ. 1650**“.

Съ современной гравюры (стр. 5).

„**Провозглашеніе мира между Испаніей и Нидерландами**“.

(Антверпенъ, 1648.) Съ гравюры В. Холлара (стр. 6).

„**Военный балетъ**“.

Съ гравюры 1643 г. (стр. 7).

Военныя иллюстраціи: „Гишина на войнѣ“, „Сборный пунктъ

„Ново Място“ (2 снимка—стр. 9 и 12), „Замаскированное орудіе нашей артиллеріи“, „На привалѣ“, „Городъ Опатовъ“, „Походная хлебопекарня“, „Английская кавалерія на развѣдкѣ“.

Солдатская открытка. (Лицевая и оборотная стороны.) (Стр. 16)

М. М. Ковалевскій, И. И. Янжуль (+) и **Е. Я. Янжуль** (Фотографія). (Стр. 20)

Адресъ Редакціи: Лиговка, 114, кв. 2, тел. 20-01. Приемные часы: вторн. и пятн. отъ 4-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемые въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятые рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

ТОЛЬКО ФРАНЦУЗСКІЕ И АНГЛІЙСКІЕ ПРЕДОХРАНИТЕЛИ

МУЖСКІЕ: отъ 1 руб. до 6 руб. дюж.
ЖЕНСКІЕ: золотые приборы отъ 14 руб. до 18 руб. шт. серебрянн. отъ 6 руб. до 7 руб. шт.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКИХЪ ПРЕДОХРАНИТЕЛЕЙ
Петроградъ. „ГИГЕНА“, Невскій, 74—17.

ПОДЪ ЩИТОМЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

Историч. романъ А. И. Лавинцева (512 стр. съ 104 рис.). Цѣна въ рѣш. 2 р. съ перес. Наше изданіе „ПОДЪ ЩИТОМЪ СЕВАСТОПОЛЯ“ въ романтической формѣ знакомитъ съ исторіей защиты Севастополя снабжемо портретами героевъ войны, сценами сраженій и пр. Требования адресуются Акціонерному Обществу Издат. А. А. КАСПА Петроградъ. Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. 20.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полного собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разерочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го іюня—2 р., къ 1-го августа—1 р. Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полного собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО).

Съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разерочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го іюня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать **СТАРЫЙ АДРЕСЪ И ТРИДЦАТЬ (30) коп.** почтов. марками.

Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Открыта ПОДПИСКА

на 1915 г. (37-й годъ)

издан. на еженедѣльн. художественно-литературный семейный

— **ЖУРНАЛЬ** —

„РОДИНА“

52 №№ ИЛЛ. **ЖУРНАЛА „РОДИНА“**

съ повѣст., разск., стих. выдающ. писат. и многими картинами и рисунками.

52 №№ ИЛЛ. „**ВСЕМИРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**“

событій текущей жизни въ рисун. и описан.

52 №№ ИЛЛ. „**РАЗВЛЕЧЕНІЕ ВЪ ЧАСЫ**“

юморист. разск., карикатуры, игры, забавы.

ОБИЛІЕ И РАЗНООБРАЗІЕ матеріала для чтенія и иллюстрацій.

УЧАСТІЕ ВЫДАЮЩИХСЯ русскихъ писателей и художн. Въ 1915 г. подписч. получатъ:

12 **КАРТИНЪ** ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ по интереснымъ оригиналамъ.

40 **ФОТОГРАВИРЪ** съ картинъ выдающ. художн. на вкладн. листахъ мѣловой бумаги.

49 **ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:**

12 №№ „**ДРУГЪ ДѢТЕЙ**“ съ рисунками.
12 №№ **Новѣйшія МОДЫ** (600 рисун.).
12 №№ лист. **выкроекъ**. 12 №№ лист. **рисунковъ** разныхъ любительскихъ работъ и **ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ** на 1915 г. въ краскахъ.

2 **КАРТИНЫ**

БОЛЬШІЯ ПРЕМИИ:

1) „**ШАЛОСТИ АМУРА**“, 2) „**ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ ЮГА**“. Художественно воспроизведенныя многими цвѣтными красками обѣ эти очаровательн. картины **БЕЗПЛАТНО** будутъ даны подписч., которые до 15-го апрѣля 1915 г. внесутъ **ГОДОВУЮ ПЛАТУ**.

Подробная ПРОГРАММА высылается **БЕЗПЛАТНО**.

„РОДИНА“ тщательно отражаетъ современн. войну въ разсказахъ, рисунк., снимкахъ и въ особомъ приложеніи

„**НЕДѢЛЯ ВОЙНЫ**“ — обзоры военныхъ и политич. событій, подвиговъ, сраженій.

80 **КНИГЪ** (8000 стран. текста)

26 **КНИГЪ** собранія **В. ТИХОНОВА** выдающагося современн. беллетриста и драматурга, извѣстнаго всей Россіи. Въ 26 послѣднихъ книгахъ будетъ помѣщено свыше 90 романовъ и проч.

Первыя 16 книгъ полн. собр. сочин. В. ТИХОНОВА высыл. новымъ подписчикамъ за 2 р. съ перес. въ Европ. Россію и 2 р. 50 к. въ Азиатскую Россію.

12 **КНИГЪ** иллюстр. **СОБРАНІЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ**

(не менѣе 12 романовъ, среди которыхъ **ВОЕННЫЕ** и военно-историч. романы В. В. Муйжеля, А. Будищева, Л. Чарской, Е. Мауринна, а также **соврем. бытов.** и историч. романы И. Н. Поталенко, кн. М. Н. Волконскаго, Б. П. Никонова, А. Е. Зарина и пр.)

18 **КНИГЪ** **ИСТОРИЧЕСК. РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ** **Н. СЕВЕРИНА** высокоталантлив. автора историческихъ произведеній изъ жизни Россіи и Польши.

24 **КНИГИ** **„СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“** (до 500 разск., интерес. стат.) **Подписная цѣна „Родины“** съ прилож. и **80** **КНИГАМИ**

За годъ безъ до-ставки **7** р. Безъ до-ставки въ Москвѣ **7** р. 50 к. Съ пересылк. по Россіи **8** р. **РАЗЕРОЧКА** **3** р. первый взносъ

За ПОПЛАТУ ДВУХЪ рублей подписчики могутъ получить еще **20** **КНИГЪ** со- **А. Д. АПРАКСИНА** (около 2500 страницъ, на которыхъ будетъ помѣщено до 600 иллюстрацій) **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „РОДИНЫ“** со всеми приложеніями и 100 **КНИГАМИ** **РАЗЕРОЧКА** **10** р. первый взносъ **4** р.

ПОДПИСКА въ Анд. 0-въ ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, д. 114, и Садовая, 20.

1-й экз.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

Петроградъ.

№ 6

4 февраля 1915 г.

Тишина на войнѣ.

† А. М. КОЛЮБАКИНЪ.

«Варшава, 26-го января. 21-го января геройски погибъ при атакъ шт.-кап. Александръ Михайловичъ Колюбакинъ. Полковникъ Б ъ».

Такова телеграмма, полученная въ Петроградѣ въ ночь на 27-е января.

Когда Александръ Михайловичъ Колюбакинъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ убѣждалъ въ дѣйствующую армию, многіе удивлялись: почему видный политическій дѣятель оппозиціи идетъ на войну, когда прямой обязанности идти на немъ не лежало.

Но, кто ближе зналъ покойнаго, тотъ не удивлялся. Горячій, прямой, преисполненный неподдѣльной любовью къ народу, Александръ Михайловичъ по самому коренному свойству своей природы не могъ не слиться съ народной арміей. Глубоко скромный отъ природы, онъ не вѣрилъ, когда ему доказывали, что его моральный авторитетъ и общественное положеніе могутъ имѣть плодотворное значеніе и на «мирномъ» поприщѣ.

Теперь, когда онъ покончилъ всѣ земные счеты, у свѣжей могилы преклонимся предъ волей покойнаго и съ гордостью скажемъ: онъ жилъ между нами.

ОБО ВСЕМЪ.

Писатели и политика.

По инициативѣ Леонида Андреева, Максима Горькаго и Федора Сологуба въ Петроградѣ состоялись частныя собранія для обсужденія еврейскаго вопроса. На собраніяхъ много говорилось о томъ, своевременны или несвоевременны теперь какія либо выступленія на эту и другія, болѣе общія, темы.

Такъ называемые „реальные“ политики разошлись съ писателями, которые, по мнѣнію политиковъ, недостаточно соображаютъ съ условіями момента и малоопытны въ политической тактикѣ.

„Реальные политики“, какъ всегда, очень трезвы. Предвидятъ все, даже чего нельзя придумать, но совершенно не понимаютъ писательской психологіи. Писатель тѣмъ и дорогъ обществу, что не считается съ церемоніалами. Еще блаженный Августинъ говорилъ: „Вудемъ безчинствовать“. Августинъ же былъ не только ученый богословъ, но и великій писатель.

Поэтому законы тактики не всегда убѣдительны для длинныхъ писателей, которые прислушиваются не столько къ голосу общественнаго мнѣнія, сколько къ голосу своей совѣсти. Ихъ подходъ къ еврейскому вопросу, въ данномъ случаѣ, — вовсе не политическій, а потому врядъ ли цѣлесообразно вставлять палки въ ихъ колеса. Наоборотъ, отрадно видѣть, что совѣсть русскаго писателя попрежнему отличается чуткостью и что три вліятельныхъ и любимыхъ писателя взяли на себя инициативу такого хорошаго дѣла.

Красивый брюнетъ.

Газеты сообщаютъ, что В. А. Тернавцевъ отправился въ Галицію. Онъ везетъ туда продовольственную помощь отъ св. синода. Фактъ малозначительный. Много теперь „добрыхъ людей“ ѣздитъ въ Галицію, но если припомнить, что В. А. Тернавцевъ — тотъ самый „красивый брюнетъ“, о роли котораго въ Государственной Думѣ когда-то говорилъ членъ

Думы гр. Уваровъ, — поѣздка эта получаетъ нѣкоторое „политическое значеніе“.

Кто о чемъ.

Міры, можно сказать, рушатся, а бывший директоръ императорскихъ театровъ кн. С. М. Волконскій все о томъ же: о спасеніи міра черезъ „балетно-пластическое воспитаніе“ по системѣ Далькроза. Свою банальную, фальшивую и слащавую пантомиму „1914“ года онъ поставилъ на сценѣ Мариинскаго театра по той же системѣ. Однако особеннаго „перевоспитанія“ петроградской публики попрежнему не замѣтно. И кн. Волконскій недоволенъ. Всю вину возлагаетъ на хоръ, который „непластиченъ“, и на недостатки балетной школы. Вѣроятно увлеченіе кн. Волконскаго очень искреннее. Но какое отталкивающее впечатлѣніе производитъ соединеніе этихъ барскихъ мечтаній съ суровостью современныхъ событій. Какъ неприятно подъ 1914 годомъ видѣть подпись: „балетъ“! Такая художественная безтактность заставляетъ усомниться въ художественности балетнаго дилетанта. Душевный тактъ и чувство мѣры — основные свойства настоящаго художника.

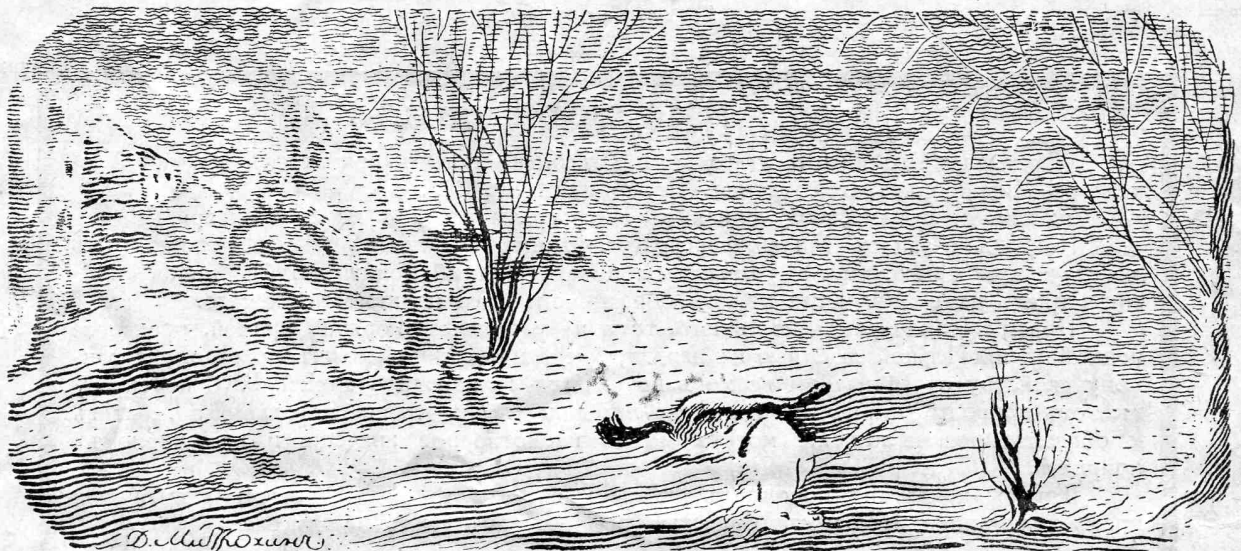
Позоръ Германіи или Дальскаго?

Мамонтъ Дальскій повезъ свою бездарную пьесу „Позоръ Германіи“ по провинціи. Дѣло кончилось позоромъ Дальскаго. Артистъ побилъ своего импрессарію. Ударилъ его по головѣ бутылкой шампанскаго. Все это произошло по „пьяному дѣлу“ въ Харьковѣ, въ ресторанѣ.

„Я безъ чувствъ упалъ на полъ, — рассказываетъ импрессарію, — и былъ вынесенъ официантами изъ общаго зала. Вскорѣ прибыла карета скорой помощи, которая отвезла меня въ больницу, гдѣ я пролежалъ нѣсколько дней“.

Вотъ уже во-истину „германскія звѣрства“.

Г. Ж.

Заключеніе Вестфальскаго мира въ Мюнстерѣ (1648). Современная гравюра Сюйдерхофа съ картины Терборха (1584—1662).

К. Н. СОКОЛОВЪ, ВЕЛИКІЕ ЕВРОПЕЙСКІЕ КОНГРЕССЫ *).

I.

Одинъ петроградскій врачъ, составившій себѣ нѣкоторую популярность въ качествѣ „главы русскихъ футуристовъ“, любитъ развивать на своихъ публичныхъ лекціяхъ оригинальную теорію, согласно которой всѣ крупныя всемірно-историческія событія обязательно приходятся на начало каждаго столѣтія. Любому историку было бы нетрудно разбить ми-

стическія построенія почтеннаго доктора. Но на этотъ годъ ихъ можно пожалуй сохранить въ ихъ парадоксальной неприкосновенности. Ровно сто лѣтъ тому назадъ на Вѣнскомъ конгрессѣ получилъ свое разрѣшеніе грандіозный политическій кризисъ, который съ 1789 года, то есть съ начала Великой французской революціи, то обостряясь, то замирая,

*) Современникамъ трудно понять и оцѣнить значеніе переживаемыхъ событій, особенно если событія эти развертываются въ такомъ масштабѣ, какъ настоящая война. Въ такихъ случаяхъ полезно вспомнить уроки прошлаго. А потому редакція обратилась къ знатоку международныхъ отношеній, магистру государственнаго права К. Н. Соколову, съ просьбой ознакомить читателей «Голоса Жизни» съ

историческими этапами европейскаго международнаго устройства—великими европейскими конгрессами. Первая статья почтеннаго автора посвящена Вестфальскому миру 1648 года. Вторая будетъ касаться Вѣнскаго конгресса 1815 г., а третья—Парижскаго конгресса 1856 г. и Берлинскаго—1879 г. Всѣ статьи иллюстрируются современнымъ эпохѣ художественнымъ матеріаломъ.
Ред.

держалъ въ состояніи напряженія всю Европу. Судьбѣ угодно повидимому приурочить къ юбилейному для Вѣнскаго конгресса 1915 году „ликвідацію“ новаго политическаго кризиса, потрясшаго послѣднія основы воздвигнутаго въ Вѣнѣ зданія европейскаго международнаго порядка. За сто лѣтъ это зданіе успѣло придти въ полную негодность. Политическія бури и непогоды истрепаи его, время положило на немъ глубокія трещины, отдѣльныя его части обветшали и рухнули. Пришла пора сломать его, а на его мѣстѣ возвести другое, болѣе просторное и свѣтлое, зданіе или по крайней мѣрѣ подвергнуть его „капитальному ремонту“.

„Прежде чѣмъ лѣто смѣнится осенью, оружіе союзниковъ будетъ увѣнчано побѣдой и будетъ заложенъ фундаментъ для прочнаго мира“, — такъ говорилъ въ своей извѣстной новогодней рѣчи англійскій посолъ при русскомъ дворѣ, сэръ Джорджъ Бьюкененъ. Положеніе союзныхъ армій на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій позволяетъ думать, что англійскій дипломатъ не былъ слишкомъ большимъ оптимистомъ и что еще въ текущемъ году состоится конгрессъ, на которомъ побѣдители договорятся съ побѣжденными объ условіяхъ „прочнаго мира“. Во всякомъ случаѣ мысль о томъ, что великая европейская война не завершится какими нибудь ординарными мирными переговорами, а потребуетъ созыва европейскаго или даже всемірнаго — ввиду неизбежности участія въ немъ Японіи и Соединенныхъ Штатовъ — конгресса, стала достояніемъ самыхъ широкихъ круговъ публики. Въ настоящее время для всѣхъ ясно, что этой войной заканчивается одна глава всемірной исторіи и открывается слѣдующая, что отъ нея должна пойти, по прекрасному выраженію французскаго министра - президента, „обновленная Европа, преобразованная на началахъ права“. Необходимое для проведенія такого преобразования „соотношеніе силъ“ будетъ создано побѣдоноснымъ движеніемъ тройственнаго согласія. Завершить и оформить его будетъ призванъ международный конгрессъ.

Международное общеніе представляетъ собою свободный союзъ независимыхъ государствъ. Союзъ этотъ не имѣетъ постоянныхъ органовъ, власть которыхъ распространяла бы свой обязательный авторитетъ на всѣхъ членовъ союза. Но нѣкоторые зачатки организациі международного общенія существуютъ и къ числу такихъ зачаточныхъ его органовъ относятся созываемыя отъ времени до времени для обсужденія и рѣшенія имѣющихъ общій интересъ политическихъ или техническихъ вопросовъ собранія представителей отдѣльныхъ государствъ. Такія собранія и получаютъ названіе конгрессовъ или конференцій. Въ частности конгрессами называютъ обыкновенно собранія, которыя рѣшаютъ особо важныя дѣла, по преимуществу политическаго характера, затрагивающія жизненные интересы отдѣльныхъ государствъ и всего международного общенія. Напротивъ, о конференціяхъ говорятъ тогда, когда имѣютъ въ виду собранія, которыя обсуждаютъ вопросы болѣе второстепенные, касающіеся сравнительно ограниченнаго круга государствъ и по преимуществу технического свойства. Сообразно съ этимъ конгрессы обставляются болшею торжественностью. Государства делегируютъ на нихъ своихъ высшихъ сановниковъ, а въ прежнія времена въ нихъ принимали участіе даже сами монархи, тогда какъ конференціи, по общему правилу, протекаютъ въ скромной и дѣловой обстановкѣ и образуются изъ технически-компетентныхъ делегатовъ или комиссаровъ. Различеніе это конечно не абсолютно. Дипломатическая исторія Европы знаетъ конгрессы, которые ни по составу, ни по принятымъ на нихъ рѣшеніямъ не заслуживали этого пышнаго наиме-

нованія, и конференціи, которыя были настоящими конгрессами. Но въ общемъ и цѣломъ это различеніе правильно, и его желательно сохранить.

Съ 1648 года, когда состоялись первые въ исторіи международного права конгрессы въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ, извѣстные подъ собирательнымъ названіемъ Вестфальскаго конгресса, и до нашихъ дней можно насчитать въ Европѣ не менѣе двадцати шести международныхъ конгрессовъ. Не всѣ эти конгрессы имѣли одинаковое значеніе. Среди нихъ были тоже конгрессы крупныя и мелкіе, конгрессы историческіе, или великіе, которые, какъ вѣха, отмѣчаютъ направленіе политической эволюціи Европы, и конгрессы, такъ сказать, заурядныя, которые давно забыты и упоминаются только въ историческихъ справочникахъ и словаряхъ. Кто въ самомъ дѣлѣ помнитъ еще о Кельнскомъ конгрессѣ 1673 года или о Суассонскомъ конгрессѣ 1728 года? Но кто не знаетъ зато Вестфальскаго конгресса, который положилъ начало современной организациі международного общенія, и Вѣнскаго конгресса, который на цѣлое столѣтіе предопредѣлилъ въ основныхъ чертахъ характеръ международныхъ отношеній въ Европѣ. Объ этихъ двухъ конгрессахъ вспоминаешь, когда думаешь о будущемъ конгрессѣ. 1915 годъ займетъ мѣсто рядомъ съ этими двумя историческими датами, съ 1648 и 1815 годомъ. Конгрессъ 1915 года будетъ третьимъ великимъ европейскимъ конгрессомъ.

* * *

Подобно большинству конгрессовъ, Вестфальскій конгрессъ имѣлъ своею непосредственной причиною войну и своею ближайшею цѣлью заключеніе мирнаго трактата. Тридцатилѣтняя война, подвергшая всю центральную Европу неслыханнымъ опустошеніямъ, свирѣпствовала съ 1618 года. Она была вызвана столько же религіозными, сколько политическими причинами. Во второй половинѣ XVI вѣка въ Европѣ прочно утвердилась католическая реакція, задавшаяся мыслью покончить съ реформаціоннымъ движеніемъ въ церковномъ и въ культурно-интеллектуальномъ смыслѣ слова. Съ начала XVII вѣка въ союзъ съ католической реакціей вступаютъ австрійскіе Габсбурги, мечтающіе объ объединеніи всей Германіи подъ своею абсолютною властью. Католическая церковь и императорская корона дѣйствуютъ заодно, но преслѣдуютъ каждая свои спеціальныя интересы. Римъ думаетъ о борьбѣ съ протестантами, императоръ — о борьбѣ съ территоріальной автономіей германскихъ князей. Въ 1608 году протестантскіе князья Германіи заключили между собой протестантскую „унію“, въ 1609 году католики отвѣтили имъ образованіемъ католической „лиги“. Обѣ стороны были готовы, и дѣло оставалось только за вѣншимъ поводомъ къ вооруженному столкновенію. Такой поводъ не замедлилъ представиться: Императоръ Фердинандъ II нарушилъ гарантированныя Рудольфомъ II Чешскимъ протестантамъ вольности и въ 1618 году отнялъ у нихъ двѣ церкви. Въ Прагѣ вспыхнуло возстаніе. 23-го мая надъ тремя совѣтниками императора, Славатой, Мартинцемъ и Фабриціемъ, „по доброму старочешскому обычаю“, была учинена „дефестрація“. Они были выброшены изъ окна пражскаго замка въ крѣпостной ровъ. Затѣмъ чехи объявили Фердинанда II низложеннымъ и избрали своимъ королемъ курфюрста Пфальцскаго, Фридриха V, зятя англійскаго короля Іакова I. Такъ началась Тридцатилѣтняя война.

Въ ходѣ Тридцатилѣтней войны принято различать три періода — датскій, когда во главѣ протестантовъ стоялъ король датскій, Христианъ IV, шведскій, которому далъ свое

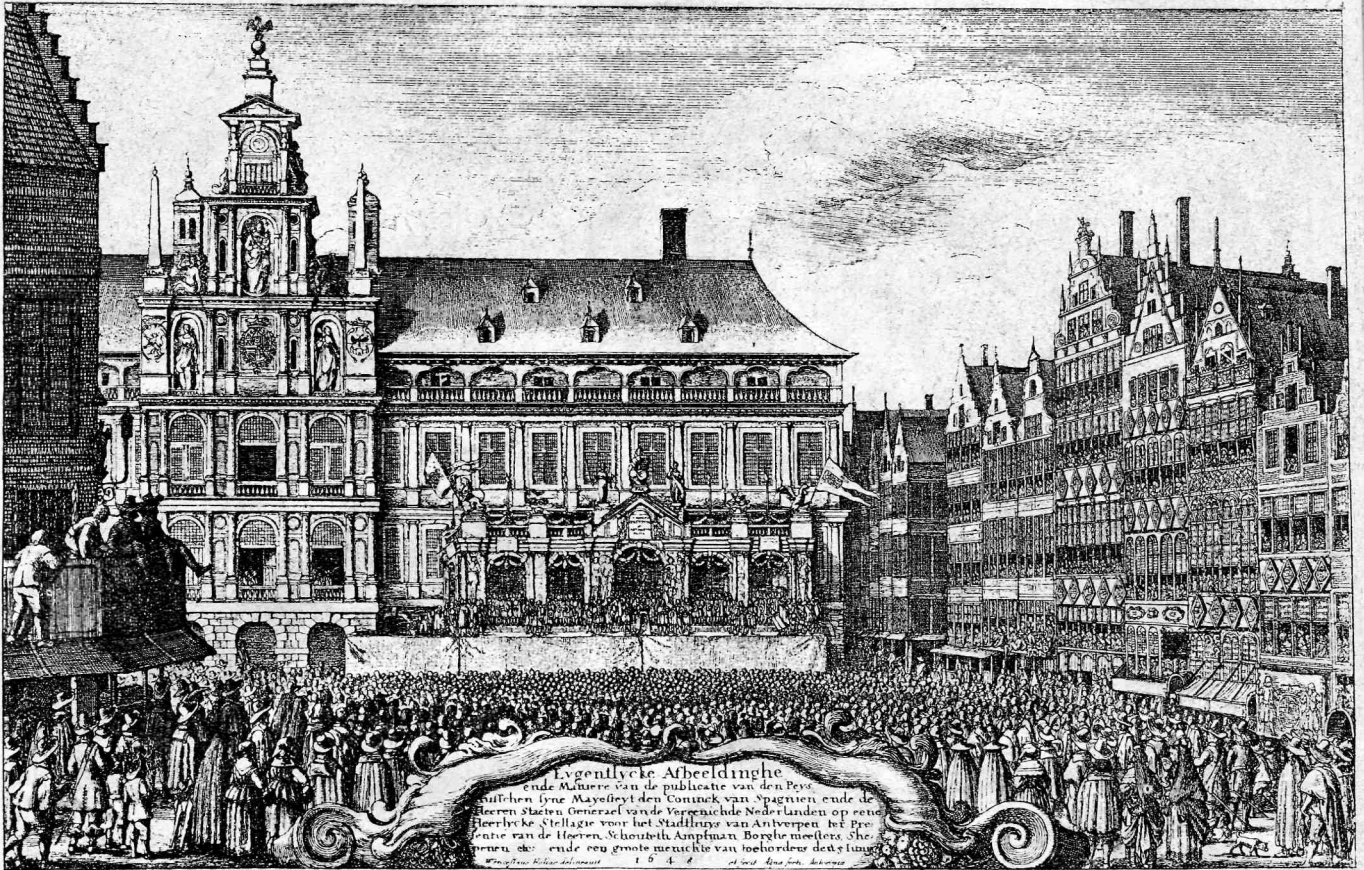
Заключение мира въ Нюрнбергъ (1650). Съ современной гравюры.

имя „снѣговой король“, Густавъ Адольфъ Шведскій, и французскій, когда рѣшающая роль перешла къ Франціи. Такъ, по мѣрѣ того какъ развергивались событія, отступали на второй планъ мотивы религіознаго порядка и выдвигались впередъ чисто - политическіе расчеты ввидѣ отдѣльных государствъ. Уже Христіанъ IV мечталъ не только о побѣдѣ протестантизма, но и объ овладѣніи устьями Эльбы и Везера. Густавъ Адольфъ былъ вѣроятно наиболее идеалистически настроеннымъ участникомъ войны, но и онъ былъ не свободенъ отъ завоевательныхъ плановъ и честолюбивыхъ притязаній на германскую корону. Наконецъ, когда князь католической церкви, кардиналъ Ришелье, отъ имени французскаго короля заключилъ съ протестантами союзъ противъ католическихъ Габсбурговъ, тогда стало совсѣмъ ясно, что изъ религіозной войны выросла борьба за новое политическое равновѣсіе въ Европѣ.

Тридцатилѣтняя война представляла собой чрезвычайно сложную цѣпь отдѣльных походовъ и битвъ, побѣдъ и поражений, сенаратныхъ мирныхъ соглашеній и союзныхъ договоровъ, взмѣнъ и предательствъ. Съ 1634 года шли уже переговоры о заключеніи общаго мира. Тѣмъ не менѣе безпорядочная война всѣхъ противъ всѣхъ по инерціи продолжа-

лась. Монархи старались захватить въ свои руки какъ можно больше земель, полководцы заботились о своемъ обогащеніи, наемныя войска переходили отъ одного господина къ другому, смотря по тому, гдѣ было больше денегъ и шансовъ на успѣхъ. Военныя дѣйствія не были прерваны даже тогда, когда, въ 1645 году, были приняты предварительныя условія мира. Они прекратились только въ августѣ 1648 года.

Формальные мирныя переговоры велись съ апрѣля 1643 года, одновременно въ Оснабрюкѣ и Мюнстерѣ, при участіи, въ качествѣ посредниковъ, папскихъ и венеціанскихъ делегатовъ. Представитель римской курии, Фабіо Киджи (впослѣдствіи папа Александръ VII), считалъ невозможнымъ засѣдать рядомъ съ представителями протестантской Швеціи. Поэтому пришлось конгрессъ раздѣлить на два собранія. Въ Оснабрюкѣ велись переговоры между императоромъ, Швеціей и германскими князьями, въ Мюнстерѣ — между императоромъ и Франціей. Совершенное истощеніе всѣхъ воюющихъ сторонъ ускорило окончаніе переговоровъ. 6-го августа 1648 года въ Оснабрюкѣ былъ подписанъ миръ императоромъ, Швеціей и протестантскими князьями; 17-го сентября подписали миръ въ Мюнстерѣ императоръ и делегаты Франціи; 24-го октября оба договора, соединенные въ одинъ актъ, были подписаны

Провозглашение мира между Испанией и Нидерландами (Амстердам, 1648), с гравюры В. Холлара (1607—1677).

въ Мюнстерѣ всѣми участниками войны. Вестфальскій трактатъ надолго сохранилъ свою силу и историческое значеніе. Вплоть до потрясеній Великой французской революціи онъ былъ неизмѣнной основой международныхъ отношеній въ Европѣ, а до паденія Германской имперіи онъ служилъ ей основнымъ закономъ ея внутренняго устройства. Вестфальскій трактатъ санкціонировалъ государственное бытіе Швейцаріи и Нидерландовъ. Онъ отдалъ Франціи Эльзасъ со Страсбургомъ и Швеціи — большую часть Помераніи, епископства Бременъ и Верденъ и городъ Висмаръ. Онъ объявилъ независимыми всѣ 355 государствъ, на которыя распалася тогда Германія, и присвоилъ имъ право заключать договоры другъ съ другомъ и съ иностранными государствами, при одномъ лишь условіи, чтобы эти договоры не клонились къ ущербу императору и имперіи.

Но главное историческое значеніе Вестфальскаго конгресса заключалось все-таки не въ отдѣльныхъ его постановленіяхъ. Оно заключалось въ самомъ фактѣ—небываломъ до тѣхъ поръ—собраніи представителей всѣхъ участвовавшихъ въ международномъ общеніи государствъ для коллективнаго обсужденія и рѣшенія общихъ всѣмъ этимъ государствамъ вопросовъ. Въ древности и въ средніе вѣка международныя отношенія обычно принимали либо форму борьбы за всемірное господство, либо форму никогда не прекращавшихся частныхъ войнъ и междоусобій. Вестфальскій конгрессъ былъ первой попыткой мирнаго уговора о новомъ порядкѣ междугосударственныхъ отношеній. Всѣ позднѣйшія международныя соглашения исходили отъ него и на него ссылались. Въ

1779 году на Тешенскомъ конгрессѣ былъ урегулированъ въ нѣсколькихъ трактатахъ споръ между Пруссіей и Австріей о баварскомъ наслѣдствѣ. По просьбѣ сторонъ, Россія и Франція, въ качествѣ державъ-посредницъ, гарантировали акты Тешенскаго конгресса. Тешенскій миръ еще разъ подтверждалъ силу Вестфальскаго трактата, и такимъ образомъ и Россія тоже приобщилась къ этому основному для европейскаго международного права акту.

Новизнѣ сдѣланнаго въ 1648 году дѣла соответствовала нѣкоторая наивная безпомощность пріемовъ его осуществленія. Европейскіе дипломаты первой половины XVII вѣка знали приблизительно, что имъ нужно было сдѣлать, но они съ трудомъ уяснили себѣ, какъ это дѣлается. Нѣсколько лѣтъ подрядъ тянулись пререканія о томъ, кому изъ делегатовъ и черезъ какія ворота первому вѣхать въ Мюнстеръ, кто первый поднимется по лѣстницѣ и войдетъ въ залъ, какъ разсядутся делегаты за столомъ и о тому подобныхъ, пустяжныхъ на нашъ искусственный вкусъ, предметахъ. Не нужно давать обманывать себя этимъ комическимъ деталямъ исторіи Вестфальскаго конгресса. Европейскіе дипломаты XX вѣка имѣютъ въ своемъ распоряженіи безупречные шаблоны для разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ международной формалистики и международного церемониала. Но по политической проицательности, дальновидности и ловкости они далеко не всегда находятся на той высотѣ, которой достигали иные изъ ихъ предшественниковъ въ Оснабрюкѣ и Мюнстерѣ.

К. Соколовъ.

въ о
рода
меж.
люде

хин:
смет
стои
тѣв
ска:
и 1
темі

«Военный балет». Съ гравюры 1643 г.

ЛЕОНИДЪ ДОБРОПРАВОВЪ.

ЖИВОТВОРЯЩЕЕ.

(Разсказъ.)

„Сія глаголетъ Адонаи
Господь: отъ четырехъ вѣ-
тровъ прииди душѣ и вдуни
на мертвыя сія, и да ожи-
вуть“...

Иезекиль, XXXVII, 9.

I.

Поѣздъ прѣбылъ поздней ночью, во, несмотря на это, въ освѣщенномъ вокзалѣ собралось много встрѣчавшаго народа, и носилки, въ которыхъ лежали раненые, проносили между двумя рядами чутко насторожившихся, притихшихъ людей.

Потревоженная при переноскѣ изъ вагона рана Черемухина снова больно завывала, и онъ лежалъ въ носилкахъ, смеживъ глаза, съ прикушенной нижней губой, сдерживая стонъ. Только тогда, когда санитарный автомобиль, запыхтѣвъ и затрещавъ, остановился и чей-то сильный голосъ сказалъ: „Пріѣхали“, Черемухинъ слабо приподнялъ вѣки и въ блѣсой мути морознаго тумана увидѣлъ знакомое темное зданіе городского банка.

Черемухина положили на кровать въ большомъ залѣ, съ высокими лѣпными поголками и тремя бронзовыми, грузными люстрами, висѣвшими, какъ громадныя золотыя плоды.

Съ непривычки странно было не слышать непрестаннаго желѣзнаго гула колесъ, и все казалось, что поѣздъ только что пріѣхалъ на станцію, а черезъ нѣсколько минутъ опять потянется протяжный грохотъ и ровное, глухое постукиваніе. Въ ушахъ назойливо звенѣло; отдавался, какъ близкое эхо, тяжелый язгъ поѣзда, въ которомъ Черемухина везли изъ Австріи.

Было смутно и непоятно на душѣ. Прежде, въ дни и ночи, полныя непреставшаго грохота орудій, желѣзной трескотни ружей, пламенныхъ отблесковъ, рвущихся снарядовъ, приходили мысли о томъ, что дѣлается „дома“, какаю радость будетъ при возвращеніи; а теперь все, что было на войнѣ, осталось позади, невозвратно, онъ—дома, но не приходитъ радость; зоветъ ее,—напрасно, не приходитъ она, щемящая, хватающая за сердце!

Черемухинъ желалъ, но не могъ заснуть; медленно ослабѣвая, утихала ноющая боль въ ногѣ, тѣло лежало изнемо-

Сборный пунктъ.

женное, въ истомѣ, но сна не было. Черемухинъ слышалъ храпъ сосѣдей, похожій на тихій, свистящій, шинящій хоръ, видѣлъ слабый свѣтъ лампочки, скрытой въ синемъ шерстяномъ колпакѣ, висѣвшей на стѣнѣ у широкихъ дверей и видимо наскоро приспособленной сюда, и почему-то вспоминался задернутый занавѣской фонарь въ купѣ вагона, когда, три года назадъ, Черемухинъ ѣздилъ въ уѣздный городъ, на уголовную защиту крестьянъ, поджегшихъ помѣщичій лѣсъ.

Вспоминались разныя мелочи изъ прошлаго, ненужныя, безразличныя: университетскіе педеля, фойе московскаго театра, рыжая борода букиниста изъ-подъ Сухаревой башни.

„Что это всякая дрянь лѣзетъ въ голову?—спросилъ себя Черемухинъ.—А Людмила?“

Онъ такъ живо и ясно вдругъ представилъ свою невѣсту, будто видѣлъ ее сейчасъ предъ собой въявь; вотъ она, стоитъ у кровати и смотритъ на него большими сѣрыми, въ черномъ ободкѣ рѣсницъ, глазами и улыбается.

„Что-жъ Людмила? Людмила—ничего... Нѣтъ, это я просто утомился,—подумалъ онъ немного спустя,—это—съ дороги, отъ болѣзни, мало ли отъ чего? Вѣдь Людмила мнѣ по-настоящему—единственный, родной и близкій человѣкъ. Все это сейчасъ—пустяки, пройдетъ.“

А въ ушахъ отдавалось ровное, безстрастное, холодное выстукиванье колесъ:

„Не прой-детъ, не прой-детъ, не прой-детъ“.

„Надо спать“,—сказалъ себѣ Черемухинъ и закрылъ глаза, но въ ту же минуту ему стало ясно, что онъ ни за что не уснетъ въ эту ночь.

Утро приближалось, какъ всегда, осторожно подкрадываясь, незамѣтно и безконечно. Начали свѣтлѣть сборчатая, въ пухахъ, длинныя шторы; сначала онѣ были сѣрыя, потомъ голубоватая, и наконецъ стали розовѣть. Черемухинъ смотрѣлъ, щурия утомленные глаза и морщась, на свѣтъ и думалъ о

томъ, что, если подтянуть штору кверху, онъ увидитъ крыши, трубы и синее, темное небо.

II.

Большой залъ былъ полонъ солнечнымъ свѣтомъ, зажившимъ брилліантовыя искры на хрустальныхъ подвѣскахъ люстръ. Раненные закрывали глаза, ослѣпленные горячими, золотыми отблесками, но просили не опускать шторъ, благодарные солнечной ласкѣ. И сѣрыя, исхудавшія лица ихъ, обращенныя къ окнамъ, спокойно и ласково улыбались.

Перенесенный изъ перевязочной обратно на свою кровать, Черемухинъ лежалъ, вытянувъ слабыя, костлявыя руки вдоль туловища, и смотрѣлъ прямо, на кусокъ свѣтлаго, зимняго неба, виднаго въ четырехугольничкѣ высокаго окна.

— Хотите газету?—спросила сестра, держа въ рукахъ сложенный газетный листъ.

— Спасибо... я потомъ. А впрочемъ дайте.

Не разворачивая газеты, Черемухинъ поднесъ ее къ глазамъ. Приятно нахло отъ нея свѣжей типографской краской. Глаза смотрѣли на объявленія о спектакляхъ въ оперномъ и драматическомъ театрахъ, о гастроляхъ моднаго тенора, о кинематографахъ съ картинами „изъ текущихъ событий“. Въ верхнемъ, правомъ, углу газеты красиво, въ рядъ стояли ровныя, крупныя буквы: „Даю уроки модныхъ танцевъ“. Ниже—ресторанъ „Фуроръ“, веселые обѣды и ужины, два оркестра музыки. Французская кухня.

Что-то дернулось и остановилось въ душѣ Черемухина. Онъ отбросилъ газету на столикъ.

„Какъ прежде, какъ всегда... Но отчего я—другой? Отчего мнѣ противно читать о веселыхъ ресторанахъ и модныхъ танцахъ?“

Онъ сталъ припоминать всѣхъ этихъ, весело обѣдающихъ и ужинающихъ съ музыкой, изучающихъ модные

Ново Място.

танцы, наполняющих театры. Прошла пестрая вереница сытых, спокойных людей, шляпъ, цилиндровъ, дамскихъ платьевъ, причесокъ, проборовъ, смокинговъ, фраковъ, выколенныхъ усовъ, перстней, лысинъ и среди этого шествія вдругъ рѣзко выступило бородастое, рябое, обвѣтренное лицо правофланговаго рядового второй роты, Деняса Перевертайло. И сразу почувствовалось всей душой, что Перевертайло, котораго впервые увидѣлъ тамъ и, быть можетъ, больше никогда не увидитъ, — свой, родной, въ сердце вросъ, какъ дерево корнями въ землю, и не выкинуть его изъ памяти ни за что, никакою силой, а всѣ эти „милостивыя государыни и милостивые государи“ (Черемухинъ презрительно сжалъ губы, мысленно произнося эти слова) — посторонніе, далекіе; дѣлаютъ они то, чего онъ больше никогда не сможетъ дѣлать; живутъ тою жизнью, которая стала невыносимой, противной, невозможной при первомъ же взглядѣ на газету. Вспомнилось, въ первый разъ, какъ, падая у вражескаго лѣса, онъ почувствовалъ себя слабымъ и безпомощнымъ предъ тѣмъ великимъ и грознымъ, что совершалось вокругъ и надвигалось на него, волну жуткимъ ожиданіемъ. Въ ту страшную минуту началась въ душѣ новая, непонятная жизнь, покорная невѣдомымъ законамъ, полнымъ тайны и особеннаго значенія. Именно въ ту минуту что-то лопнуло въ душѣ и оборвались всѣ до одной невидимыя, крѣпкія нити, соединявшія его со всѣмъ міромъ.

Снова вспомнилось, какъ Денясъ Перевертайло вытаскилъ его изъ боевого огня. „Денясъ, Денясъ“... Становилось проще и теплѣе на сердцѣ при воспоминаніи о Денясѣ, о тысячахъ Денисовъ, оставшихся тамъ, въ грохотѣ и огнѣ.

„Что-то тамъ совершилось во мнѣ, — подумалъ Черемухинъ, — и все измѣнилось. Но что совершилось? Что? Что?“

Онъ услышалъ свое имя, произнесенное взволнованнымъ,

дрожащимъ, знакомымъ-знакомымъ женскимъ голосомъ. Повернувъ лицо влѣво, на голосъ, онъ увидѣлъ Людмилу, быстро шедшую къ нему. Лицо ея было блѣдно, губы слабо полуткрыты въ измученной, страдальческой улыбкѣ, глаза неподвижно остановились на его лицѣ. Людмила шла, никого не видя вокругъ, ничего не сознавая, не замѣчая, кромѣ его исхудалаго, обросшаго черной бородкой, лица. За три кровати до Черемухина она почти побѣжала, шурша юбкой, и задыхаясь стала предъ нимъ, протягивая руки.

— Ты... Ты...

Она не могла говорить: то напряженіе, съ какимъ она разсказывала Черемухину, затопило всѣ слова. Она безпомощно сѣла на табуретъ, опустила плечи, и смотрѣла блестящими отъ слезъ глазами въ глубокіе, ушедшіе вглубь, глаза Черемухина.

— Здравствуй, Людмила, — сказалъ онъ ровнымъ, безучастнымъ голосомъ, протягивая ей лѣвую руку.

Мягкими, теплыми руками она осторожно взяла его тонкіе, худые пальцы и держала ихъ, не выпуская, наклоняясь къ нему.

— Какъ ты узнала, что я — здѣсь?

— Я газету читала утромъ... Печатаютъ, какіе раненые привезены. Я прочла твою фамилію и побѣжала сразу по лазаретамъ. Въ трехъ тебя не было. Я наугадъ приѣхала сюда, — она передохнула и улыбнулась, а на рѣсницахъ блеснули слезы, — и нашла. Но почему ты съ дороги не написалъ, хоть на открыткѣ?

Черемухинъ молчалъ. Онъ не зналъ, какъ сказать ей о томъ, что творилось у него на душѣ. И можно ли даже разсказать обыкновенными человѣческими словами?

Она смотрѣла на провалы его щекъ, на слабую, тощую шею, полузакрытую широкимъ воротомъ бѣлой рубашки, на тонкій вытянутый носъ — и узнавала и не узнавала въ этомъ

Замаскированное орудіе нашей артиллеріи.

новомъ челоѣкѣ того, прежняго, котораго любила, котораго знала, который былъ ей дороже всѣхъ людей на свѣтѣ, и ей хотѣлось и плакать, и смѣяться, и обнять его.

— Ты вѣрно былъ очень боленъ?.. Потому не писалъ? Черемухинъ сдвинулъ брови.

— Нѣтъ, я могъ писать, но... этого не нужно было.

Въ глазахъ Людмилы мелькнулъ ужасъ; улыбка замерла и стала медленно исчезать тускнѣя.

— Зачѣмъ?—зашептала она, низко наклоняя надъ нимъ лицо.

— Такъ.

— Ты... измѣнился... ко мнѣ?

Она хотѣла говорить спокойноѣ, но голосъ дрожалъ и обрывался. Черемухинъ посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ медленно:

— Нѣтъ... я къ тебѣ тотъ же, но...

— Я по тебѣ тосковала,—бурно зашептала Людмила, услыхавъ его „нѣтъ“—главное, что ей нужно было знать,—и не разобравъ остальныхъ словъ,—я не знала, когда мы встрѣтимся, какъ встрѣтимся... Иногда мнѣ казалось, что мы больше никогда не увидимся.—Прижавъ лѣвую ладонь ко лбу, она закачала головой.—Ахъ, это былъ такой ужасъ!—Она перестала шептать и, отнявъ руку отъ лица, посмотрѣла на него. Онъ не слушалъ: она поняла это по его глазамъ; устремленные въ окно, они что-то съ напряженіемъ высматривали.—Вася, ты не слушаешь меня... У тебя такое странное лицо... О чемъ ты думаешь,—едва слышнымъ, испуганнымъ шепотомъ спросила она:— о чемъ ты думаешь? Скажи!

— Такъ... о разномъ...

— Ну, о чемъ? О чемъ?—спросила Людмила молящимъ, страстнымъ голосомъ, наклоняясь еще ближе къ нему, чтобы не слышали сосѣди.

Черемухинъ помолчалъ, и лицо его становилось напряженнымъ и сосредоточеннымъ.

— Странное я чувствую что-то,—вымолвилъ онъ медленно и останавливаясь, словно ему трудно было выговаривать слова, словно въ гору шель.—Понимаешь, мнѣ какъ-то все равно... и мнѣ самому странно, отчего это такъ...—Онъ помолчалъ и продолжалъ въ задумчивости, будто говоря самъ съ собою:—Привезли меня въ городъ, гдѣ я учился, выросъ... Здѣсь была моя дѣятельность, мои интересы... И вотъ мнѣ странно, что нѣтъ у меня отъ этого никакой радости... И ни одной мысли... Безразлично мнѣ все...

Сжавъ крѣпко руки и глядя на него со страхомъ, Людмила слушала.

— А... я?—спросила она такъ тихо. Черемухинъ не слыхалъ ея вопроса и только по движенію ея поблѣднѣвшихъ губъ угадалъ его.

— Ты?—Устало закрывъ глаза, онъ помолчалъ думая и, взглянувъ на нее спокойно, такъ же спокойно, даже съ оттѣвкомъ легкаго удивленія, переспросилъ:—ты?—Онъ снова помолчалъ и медленно потянулъ край одѣяла къ подбородку,—ты тоже. Я вотъ смотрю на тебя сейчасъ, и у меня ничего нѣтъ къ тебѣ.

Людмила вздрогнула и часто задышала, словно никакъ не могла отдышаться, и, сдерживая усиленнымъ задрожавшимъ губы, спросила:

На привалъ.

— Ты... меня больше... не любишь?

— Не знаю,—задумчиво сказалъ Чермухинъ, шевельнувъ голову,—я ничего не знаю сейчасъ... Ты лучше не спрашивай. Я не могу говорить... И знаешь, вотъ что... Мы не будемъ видѣться до тѣхъ поръ, пока я не смогу сказать тебѣ что нибудь.

Людмила низко опустила голову, сжавшись на табуретѣ, и молчала.

— Я долженъ многое рѣшить. Все, что было у насъ съ тобой, было въ той жизни, и я былъ тогда другой. Я ни о чемъ не думалъ, о чемъ нужно думать. Я жилъ, какъ всѣ. А теперь я ничего не понимаю.

— Чего не понимаешь?—спросила она дрожащимъ, глухимъ голосомъ, поднимая покрасѣвшее лицо, по которому текли слезы.

— Ну, ничего не понимаю въ томъ, что произошло и происходитъ вокругъ меня. Знаешь, тамъ, на войнѣ, я увидѣлъ вдругъ новое, особенное. Каждую минуту я могъ умереть, отдать свою жизнь, какъ другіе мои товарищи, ни о чемъ не спрашивая, не разсуждая, потому что я зналъ—отдать жизнь надо и неизбежно. Если не я, такъ другой долженъ. Другъ за друга. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось. А теперь я здѣсь лишній, никому ненужный.

— А мнѣ? А всѣмъ намъ?—быстро перебила она, прижимая руки къ груди.

— Нѣтъ, это—другое,—упрямо сказалъ Чермухинъ, боясь потерять свою мысль и раздражаясь на то, что Людмила мѣшаетъ ему говорить.—Это—совсѣмъ другое. У тебя—свое, здѣшнее, ты любишь меня по-здѣшнему, а тамъ я что-то увидѣлъ великое и страшное, и ваша жизнь теперь мнѣ кажется ненужной и подлой жизнью. Вотъ у васъ учатся

моднымъ танцамъ, а мы... впрочемъ не стоитъ объ этомъ говорить.

Чермухинъ почувствовалъ слабость во всемъ тѣлѣ, усталость и нежеланіе говорить. Онъ закрылъ глаза и замолчалъ. Людмила долго смотрѣла на его темныя, впавшія глазницы, острый носъ, углубленія щекъ, заросшихъ черной жесткой бородой, и душу жгла и терзала мысль, ужасная, невозможная мысль, что этотъ лежавшій предъ нею, ея женихъ, въ которомъ все—самое дорогое и прекрасное въ жизни,—совсѣмъ чужой.

Она долго молчала.

— Я уйду,—выговорила она рѣшительнымъ, негромкимъ голосомъ,—я уйду... и приду, если ты позовешь меня, а если не позовешь, я... буду ждать, буду надѣяться... А если,—она быстро проглотила слезы,—если ты не захочешь... я умру.

Она встала и, слабо пожавъ его пальцы, пошла къ дверямъ, опустивъ голову, будто приговоренная къ чему-то страшному и послѣдному. Чермухинъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, но не остановилъ, не позвалъ; онъ хотѣлъ сдѣлать это, но не зналъ, что сказать ей, если она вернется.

Дойдя до двери, Людмила быстро, боязливо оглянулась, чтобы въ послѣдній разъ посмотрѣть на него. Онъ лежалъ попрежнему, закрывъ глаза.

III.

Справа отъ Чермухина лежалъ пожилой штабсъ-капитанъ Ширяевъ, съ большой глянцевою, скользякой лысной во всю голову и большими, красными глазами, а слѣва—Фихманъ, молодой вольноопредѣляющійся. Осколкомъ шрапнели у него были оторваны четыре пальца лѣвой руки,

Ново Място.

и она, забинтованная, блѣлой горкой лежала на стромѣ одѣялѣ.

Черемухинъ встрѣтился съ ними въ санитарномъ поѣздѣ. Въ пути они говорили мало. Каждый былъ занятъ своей болью и своими думами. Черемухинъ только и узналъ, что Ширяевъ—сынъ дьякона: писалъ письмо къ его отцу, а Фихманъ—скрипачъ, ученикъ Иохима. Черемухинъ не могъ долго смотрѣть въ его глаза: такіе они были тоскующіе, такіе скорбящіе. Черемухинъ понималъ, что Фихману никогда больше не играть на скрипкѣ. Иногда хотѣлось сказать ему что нибудь утѣшительное, но слова замирали и губы, раскрытыя для утѣшенія, плотно смыкались.

День проходилъ медленно и тихо. Въ залѣ было немного раненыхъ. У дверей—человѣкъ пять и въ этомъ концѣ—Черемухинъ, Ширяевъ и Фихманъ. Почти весь день стояло спокойное молчаніе, какъ въ пустой церкви. И къ вечеру, когда въ углахъ прозрачныя стали загадочныя дымчатыя тѣни, Черемухинъ заговорилъ съ Ширяевымъ. Онъ спрашивалъ напряженно, настойчиво, словно Ширяевъ долженъ былъ ему отвѣтить, словно Ширяевъ зналъ что-то такое, чего не зналъ онъ, Черемухинъ.

— Скажите, понимаете вы, что происходитъ?—спросилъ Черемухинъ.—Я говорю о войнѣ... Понимаете?

— Понимаю,—спокойно отвѣтилъ Ширяевъ.

— А именно? Что, по-вашему, совершается?

Ширяевъ съ недоумѣніемъ вытянулъ губы, глянувъ косо на Черемухина.

— Что? Война.

— Во имя чего? Ради чего?

— Ради того, что враги напали на насъ.

— Ахъ, Боже мой, это я и безъ васъ знаю! Враги напали—мы отражаемъ нападеніе. Хорошо. Но главная причина, тайная причина, сущность всего этого въ чемъ? Вотъ о чемъ я васъ спрашиваю. Вѣдь не могу же я, поймите—не могу принять такое объясненіе. Это—такъ, ваша правда, но это—вѣшняя правда, а внутренняя? Я знаю, мы никогда не нападли, потому что никогда русскій народъ не любалъ и не хотѣлъ крови, а былъ вынуждаемъ сосѣдями и такъ далѣе.

Но почему эти сосѣди... все равно, кто—они, почему они поднимали и поднимаютъ кровавое знамя. Кому это нужно? Какому существу? Какому началу?

— Причина всѣхъ причинъ?—спросилъ Ширяевъ.—Мудрено, батенька, отвѣтить... Богу угодно... Всегда такъ было, есть и будетъ. Возьмите исторію... Войны неизбежны.

Черемухинъ поморщился съ досадой.

— И все-таки это мнѣ ничего не доказываетъ!—горячо возразилъ онъ, чувствуя, какъ словно плотина прорвалась въ душѣ и мысли побѣжали кипящими огненнымъ, опаляющимъ потокомъ.—Исторія! Мнѣ наплевать на вашу исторію! Ну, хорошо, ну, пусть исторія учитъ, поучаетъ, я умомъ приму ее, а сердцемъ, понимаете, сердцемъ я не принимаю, не хочу принять и никогда не приму! Недавно мы, кажется, были въ сраженіяхъ. И что вы скажете, что это такъ и нужно, и впредь будетъ, потому что исторія насъ учитъ? Извините! Мы всѣ отлично знаемъ, что воюемъ потому, что это неизбежно, мы покоряемся необходимости, жестокой и тяжелой, но весь этотъ ужасъ—ради чего онъ? Для какихъ высшихъ цѣлей?

— Это никому неизвѣстно.—Ширяевъ вздохнулъ.—Это—воля Бога, Верховнаго Существа, Предвѣчнаго въ мірѣ. Намъ остается не разсуждать, а дѣлать наше дѣло. Мы—солдаты.

— Знаю,—перебилъ Черемухинъ.—Знаю, что я—солдатъ, и я дѣлаю свое дѣло и не ропщу. Но я не объ этомъ говорю. Я хочу узнать, не какъ солдатъ, а просто какъ христіанинъ, ради чего все это? Я Бога спрашиваю и всѣхъ людей спрашиваю. Можетъ быть, кто нибудь объяснитъ мнѣ, можетъ быть, кто нибудь знаетъ больше моего? Мнѣ это нужно для моего спокойствія, потому что не могу я оставить этого такъ.

Фихманъ повернулъ къ Черемухину лицо съ большими, темными, скорбящими глазами и слабымъ, надорваннымъ голосомъ произнесъ:

— Я тоже... я не жалуясь. Я дѣлалъ, что всѣ дѣлаютъ. Моя жизнь была скрипка,—въ голосѣ его что-то передернулось,—и я теперь больше не смогу никогда играть на скрипкѣ... Пусть такъ... Если Богъ захочетъ—пусть будетъ такъ,

Городъ Опатовъ.

но зачѣмъ Богъ этого хочетъ? И я тоже себя спрашиваю, зачѣмъ убили моего брата? Зачѣмъ Богъ позволилъ, чтобы враги на насъ напали?

Всѣ трое замолчали и молчали долго. На столикахъ засвѣтились электрическія лампочки подѣ зелеными колпаками, похожія въ густѣвшей темнотѣ на свѣтляковъ.

— Вотъ что, — сказала Ширяевъ медленно, — все дѣло въ томъ, что мы, люди, съ нашимъ ограниченнымъ умомъ стремимся постичь безконечное, и отъ этого у насъ никогда ничего не выходитъ. Возьмите напримѣръ въ математикѣ: есть величины неизмѣримыя, безконечно-великія и безконечно-малыя, которыя, въ концѣ козцовъ, неуловимы никакимъ умомъ. Наша судьба и наша личная жизнь — ничто по сравнению съ чѣмъ-то такимъ, что было до насъ и послѣ насъ будетъ, что надъ нами разлито въ самомъ воздухѣ... Міръ существуетъ вѣка, мы же — мгновенье, и въ этомъ я вижу особый вѣчный законъ міра. А почему это такъ — на это никто, никогда не могъ отвѣтить и не отвѣтитъ. — Ширяевъ протяжно вздохнулъ. — Знаете, я часто читаю Библию. Это — удивительная книга. Есть мѣста, которыя многое объясняютъ, только надо вдуматься въ нихъ. Вы по-славянски умѣете читать? — спросилъ онъ Черемухина.

— Когда-то умѣлъ.

— Возьмите, — Ширяевъ передалъ ему толстую книгу. — Я бы самъ прочиталъ вамъ, да глаза плохи по вечерамъ. Откройте наугадъ, любую страницу.

Черемухинъ подвинулъ лампочку къ краю стола, чтобы свѣтъ падалъ на книгу и, разогнувъ ее, поставилъ ребромъ, стоя, себѣ на грудь.

— Что открылось? — спросилъ Ширяевъ.

— Книга пророка Іезекиля.

— Ага! Чудесно! Ну, читайте! Это ничего, что не по-русски, вы поймете и вы, Фихманъ, тоже поймете. Ну, читайте.

— „И бысть на мнѣ рука Господня, и изведе мя въ дусѣ Господни, и постави мя средѣ поля, се же баше полно костей человѣческихъ, — негромко и медленно сталъ читать Черемухинъ страницу, которая случайно открылась, взгляды-

ваясь въ непривычныя, круглыя очертанія буквъ и стараясь уловить смыслъ читаемаго, — и обведе мя окрестъ ихъ около, и се многи зѣло на лица поля, и се сухи зѣло. И рече ко мнѣ: „Сыне человѣчъ, оживуть ли кости сія“, и рекохъ: „Господи Боже, ты вѣси сія“...

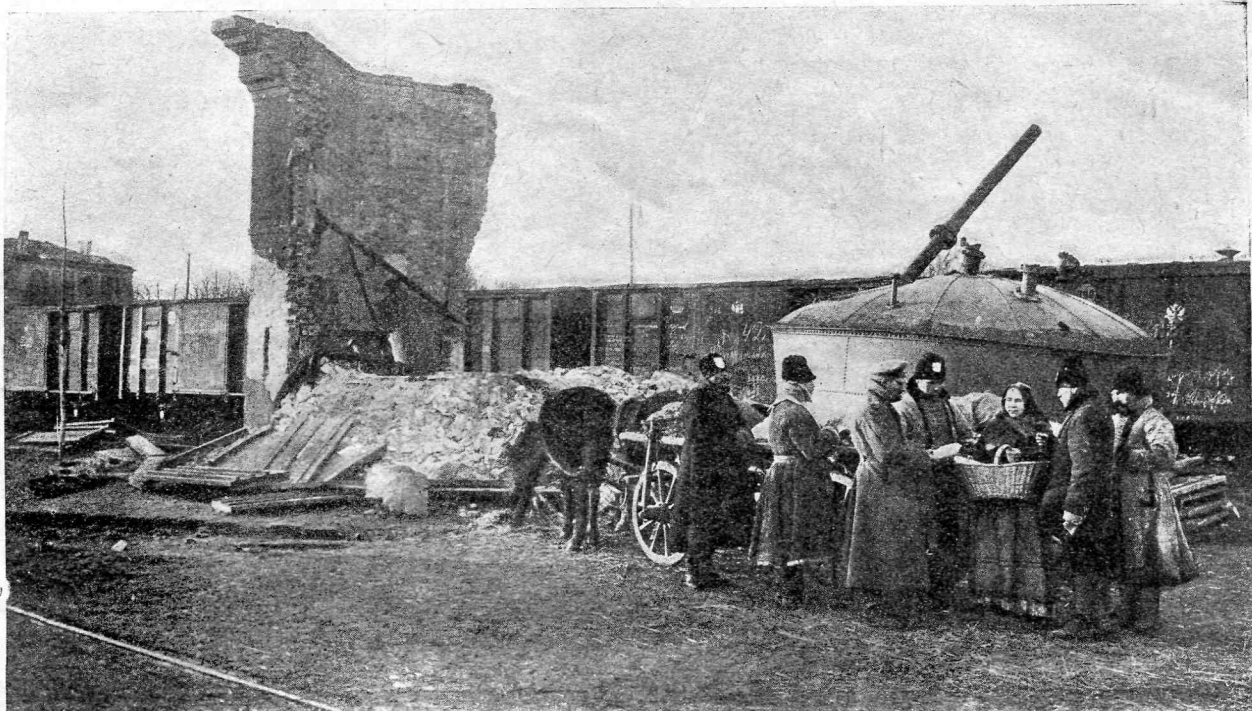
Фихманъ тихо вздохнулъ. Черемухину представилось поле, покрытое убитыми, исчезавшее во тьмѣ густѣвшей ночи, и вдругъ стало казаться, что между тьмѣ жутко-знакомымъ полемъ и этимъ, о которомъ говорятъ библейскія строки, существуетъ какая-то неуловимая таинственная связь.

— „...“И рече ко мнѣ: сыне человѣчъ, — продолжалъ онъ читать взволнованнымъ голосомъ: — прорцы на кости сія, и речени имъ: Кости сухія, слышите слово Господне. Се глаголетъ Адонаи Господь коستمъ симъ: се Азъ введу въ васъ духъ животенъ, и дамъ на васъ жилы, и возведу на васъ плоть, и простру по вамъ кожу, и дамъ духъ мой въ васъ, и оживете, и увѣсте, яко Азъ есмь Господь“...

Чѣмъ-то облегчающимъ, вѣчнымъ обвѣвало душу Черемухина отъ этихъ словъ. Онъ чувствовалъ, что здѣсь, въ нихъ — единственное объясненіе, единственная надежда, безъ которой нѣтъ другого выхода, другого пути. Единственная надежда и послѣдняя. И тотъ Богъ, котораго онъ спрашиваетъ, отвѣчаетъ здѣсь словами могучаго, вѣчнаго обѣщанія. Черемухинъ читалъ о томъ, какъ послѣ землетрясенія стали соединяться кости и оживать, какъ отъ четырехъ вѣтровъ пришла къ нимъ душа и множество мертвецовъ ожило вдругъ и стало на ногахъ своихъ.

— „...“Сія глаголетъ Адонаи Господь: се Азъ отверзу гробы ваша, и изведу васъ отъ гробъ вашихъ, людие мои, и введу вы въ землю израилеву, и увѣсте, яко Азъ есмь Господь“...

Черемухинъ услышалъ тихое, заглушенное всхлипыванье. Онъ зналъ, что плачетъ Фихманъ, плачетъ о своемъ убитомъ братѣ, о себѣ, о погибшей скрипкѣ, плачетъ о жизни своей, но не поглядѣлъ даже въ его сторону и страстнымъ, кипящимъ голосомъ продолжалъ читать слова великаго обѣщанія:

Походная хлѣбопекарня.

— ...И дамъ духъ мой въ васъ, и живи будете, и поставлю вы на земли вашей, и увѣсте, яко Азъ Господь: глаголахъ, и сотворю, глаголетъ Адонаи Господь“...

Черемухинъ оборвалъ чтеніе; онъ не могъ больше читать: въ горлѣ душило.

Да, да, да, это—одно, безъ чего нельзя жить, безъ чего страшно и пусто, и невыносимо. Словно дуновеніе невидимаго и великаго коснулось его, будто Богъ прошелъ мимо въ блистающемъ свѣтѣ, и душа затрепетала, и завенѣли впервые задѣтыя струны.

— Поняли, о чемъ я говорилъ?—спросилъ Ширяевъ, протягивая руку за книгой.

Черемухинъ молча отдалъ библію и кивнулъ коротко и быстро. Новая сила вливалась въ его сердце и заставляла желать и ждать завтрашняго дня. Завтра онъ позоветъ бѣдную Людмилу, которая любитъ его и готова умереть, завтра онъ съ восторгомъ встрѣтитъ восходящее солнце. Пусть и завтра будутъ ужасы, будутъ тяжелые дни, мученіе и страхъ, но въ темнотѣ свѣтится надежда на свѣтлое чудо, и мракъ ея не побѣдитъ.

Онъ чувствовалъ себя и слабымъ, ничтожнымъ и сильнымъ, могущимъ все перетерпѣть и все перенести, потому что въ сердцѣ живымъ серебромъ заструился родникъ, бившій изъ потаенныхъ глубинъ.

Онъ посмотрѣлъ на рыдавшаго Фихмана, который шеп-

талъ прерывистымъ, задыхающимся голосомъ, закрывъ лицо здоровой рукой:

— Адонай!.. О, Адонай!..

Хотѣлось прижать къ груди темную, курчавую голову бѣднаго еврея, сказать ему о великомъ чудѣ, которое должно, непременно должно придти и придетъ и засіяетъ, и осушитъ его слезы пламенемъ вспыхнувшей надежды.

— Фихманъ!—позвалъ онъ осторожно:— Фихманъ, не плачьте!

Фихманъ всхлипнувъ отнялъ руку, и Черемухинъ увидѣлъ его мокрое, въ слезахъ лицо.

— Я... я не плачу...

— Не плачьте, голубчикъ. Мы сами ничего не можемъ. Мы можемъ только отдать жизнь нашу...

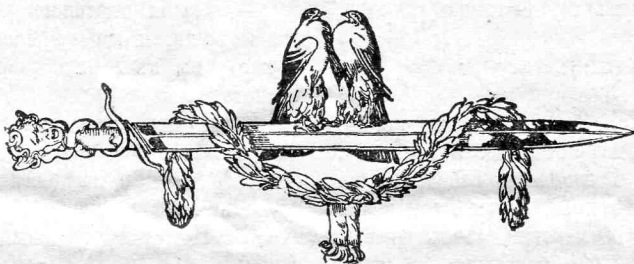
— Правда.

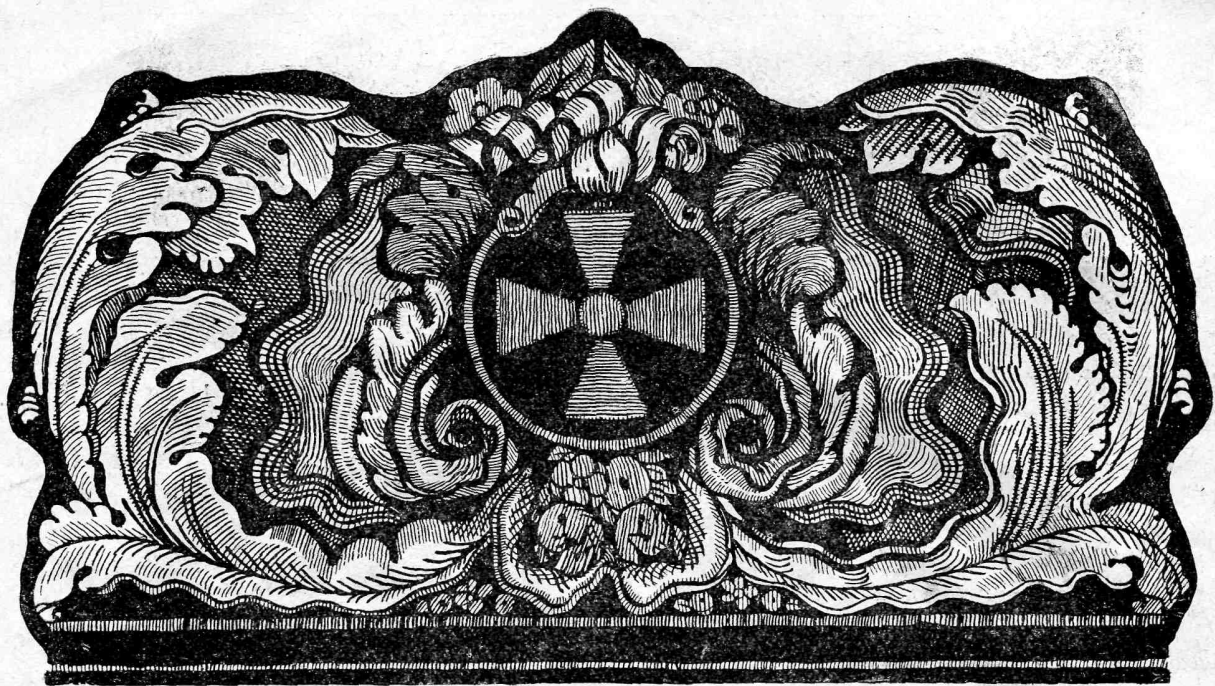
— Мы можемъ мучиться и думать, и искать, но все узнаемъ только въ послѣдній часъ, когда... будетъ то, о чемъ я читалъ.

— Будетъ, будетъ!—зашепталъ Фихманъ со страстнымъ убѣжденіемъ.—Будетъ!..

Они молча смотрѣли въ глаза другъ другу и больше не произнесли ни слова, потому что чувствовали одно и то же, и никакое слово человѣческое не могло бы выразить, что было въ сердцѣ каждаго изъ нихъ.

Леонидъ Добронравовъ.

СОЛДАТСКІЯ ПИСЬМА.

Въ распоряженіе редакціи поступило нѣсколько сотъ „солдатскихъ писемъ“.

Происхожденіе ихъ слѣдующее: 2-го декабря 1914 года Екатерина Суханова, Дарья Соколова и Аксинья Алексѣева отправили въ одинъ пѣхотный полкъ кисеты съ подарками. Въ каждый кисетъ онѣ вложили по письму, написанному въ стихахъ.

Въ рождественскомъ номерѣ газеты „День“ письма эти были напечатаны. Затѣмъ, въ Новый годъ, весь стихотворный матеріалъ былъ перепечатанъ въ „Вѣстникъ Арміи“.

Отвѣты стали приходять еще къ Рождеству, но особенный наплывъ замѣчался въ первой половинѣ января.

Письма представляютъ огромный бытовой интересъ. Мы будемъ помѣщать наиболѣе характерныя изъ нихъ.

Нѣкоторыя изъ нихъ—просительныя.

Это объясняется тѣмъ, что Суханова, Соколова и Алексѣева сами обратились съ вопросомъ, не надо ли чего.

„Въ чемъ какая нужда?
Что прислать вамъ главное?“—

писала Суханова.

Принимая это во вниманіе, надо удивляться, что число просительныхъ писемъ очень невелико. Корреспондентовъ занимаетъ другое. Они хотятъ не столько „подарковъ“, сколько личной переписки. Война—дѣло коллективное, массовое. Личность на войнѣ теряется. А потому личная переписка особенно интересуетъ и, если можно сказать, угѣшаетъ солдатъ. Другая характерная черта нашихъ писемъ—проявившаяся въ нихъ любовь къ „стишку“. Особенно понравилась солдатамъ именно стихотворная форма полученныхъ ими посланій. Большинство изъ нихъ старается отвѣчать стихами. Конечно далеко не всегда удачно, но нѣтъ сомнѣнія, что въ суровой жизни война переписка съ „незнакомыми“ явилась пріятнымъ эпизодомъ.

Ред.

1.

Изъ дѣйствующей арміи
въ Петроградъ Е. Р.

Я прочелъ Вашу адресъ въ нашемъ вѣстникѣ и собрался послать вамъ письмо, хотя я никакихъ подарковъ не получалъ и не надо ихъ мнѣ. Табачку я не курю, а одинъ у меня Царь-Батюшка—довольно-достаточно, такъ не изъ-за надобности пишу это письмо, а изъ-за того, что мнѣ некуда писать писемъ. У насъ родныхъ только два брата, и мы оба на войнѣ, родителей уже давно нѣтъ, всѣ пишутъ очень часто письма, а мнѣ некуда писать. Гдѣ мой братъ, я тоже не знаю, такъ я вотъ воспользовался вашимъ адресомъ и думаю: всѣ пишутъ, имъ есть куда писать, давай-ка и я напишу пару словъ, адресъ нашель, чего больше надо.

Итакъ, мы тутъ уже давно стоимъ на непріятельской землѣ. Изъ этой земли, гдѣ наши завяли, нѣмецкіе граждане всѣ бѣжали, и земля оживлена только нашими солдатами, и мы, слава Богу, устроились на ихъ землѣ, уже и поѣзда имѣемъ и почти всѣ такія удобства, необходимыя въ жизни. Время идетъ довольно скоро и даже не особенно скучно, или, можетъ, это только для меня, не имѣющаго никого на свѣтѣ бѣломъ. Мнѣ все равно, гдѣ жить, на войнѣ—такъ на войнѣ,

еще на войну—то больше тянетъ, такъ какъ мой единственный братъ тоже гдѣ-то тутъ же находится. Только въ праздники Рождества Христова было мнѣ какъ-то особенно невесело, я все помнилъ прошлые годы, я вспомнилъ себя ребенкомъ, когда у меня были и отецъ, и мать, я вспомнилъ, я вспомнилъ, какъ хорошо и уютно было мнѣ тогда, но это прошло и не вернется, и праздники прошли, и опять мнѣ стало безразлично, гдѣ я нахожусь. Если вы интересуетесь нашей жизнью, то прошу увѣдомить меня письмомъ, то я отъ время до время буду вамъ съ удовольствіемъ писать, что у насъ слышно. Остаюсь Иванъ...

Адресъ:

Подарковъ мнѣ не надо.

Солдатская открытка. (Лицевая сторона.)

2.

15-го января сего года. Письмо.

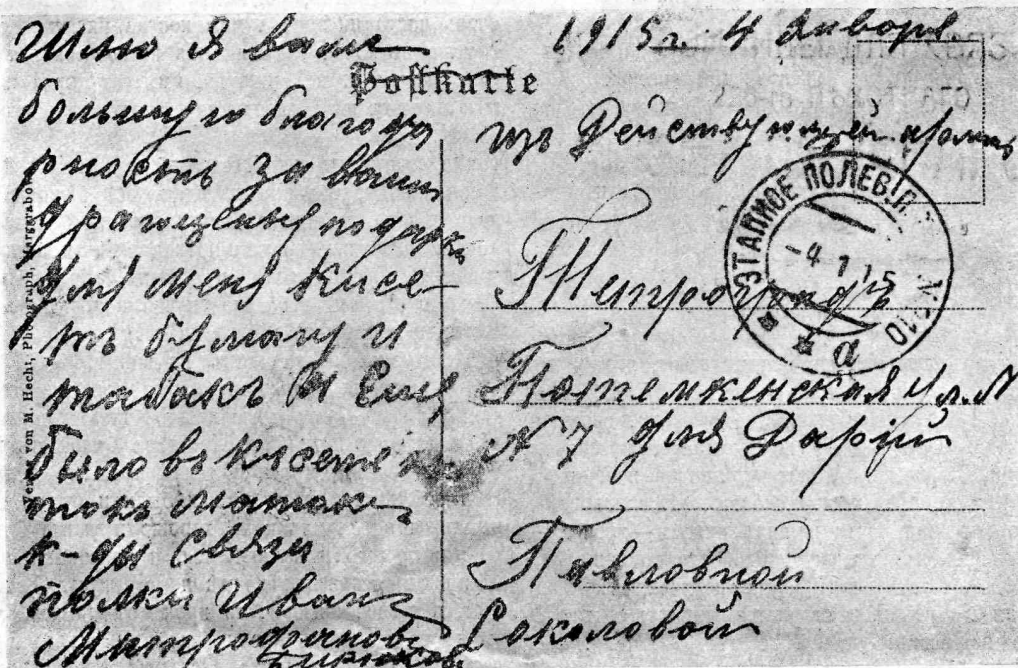
„Во первых строках моего письма кланяюсь любезной и дорогой, и незабвенной нашей сестры Дарьи Павловны... и т. д. Проникнем мы вам про свою службу, что мы находимся в германской землѣ,

Дѣла наши очень хорошіе, нѣмца бьем и въ плѣнъ биремъ.

Дорогая сестрица Дарія Павловна, напишемъ мы вамъ, какъ вашъ адресъ попалъ къ намъ. Были мы въ резервѣ,

а потомъ шли на позицію, и вѣтеръ буйный вѣетъ, и тащется клочекъ бумаги. Я выскакиваю изъ строя, ловлю эту бумагу, а ко мнѣ товарищ подсказываетъ и говоритъ: „Попаламъ деньги!“ И я говорю: „Это—лучше денегъ, а что я говорю, братъ, это—адресъ“. И начали читать. И вы просите, какъ и въ чемъ мы нуждаемся. Прошу васъ пожалуста не оставьте нашей просьбы. Мы находимся въ окопахъ. Здѣсь мѣстность низкая,

такъ что попилъ бы чаю, да сахару нѣту... и т. д.

Солдатская открытка. (Оборотная сторона.)

3.

„Добрый день, уважаемая Катя! Мнѣ Ваши стихи очень нравятся,

Хотя подарковъ никакихъ не получалъ: ни носковъ, ни мыла, ни открытокъ, ни платокъ и ни жилета на ватѣ, хотя бы хотѣлось имѣть пакетикъ (не съ вещами хотя), а ради письма. Зима не сурова. Больше 10-ти градусовъ еще не было. Нужды особой не имѣю. Да, забылъ, Катя, познакомиться съ собой. Я—сибирякъ изъ Иркутска, дѣйствительной службы.

Нахожусь въ резервѣ, отдыхаю. А былъ на передовыхъ, былъ на наблюдательномъ пунктѣ, слѣдя за дѣйствіями баттарей нашей. Все время я думалъ о Васъ, и Вы мнѣ представляетесь такой доброй и милой за то, что заботитесь о солдатахъ, да объ нихъ и нужно заботиться.

Свою жизнь они навѣрно Вамъ описываютъ, т. к. я отъ многихъ слышалъ, что хотѣли Вамъ писать. Про свою жизнь я Вамъ когда нибудь напишу, т. к. не знаю, дойдетъ ли до Васъ это письмо. Желательно бы получить отвѣтъ.

Уважаемая Катя!

Мнѣ было бы лестно получить отъ Васъ фотографическую карточку; быть можетъ, это Вамъ покажется и страннымъ, но для меня было бы большимъ счастьемъ имѣть карточку одной изъ жертвовательницъ, заботящихся о насъ. Хотя мнѣ приходилось читать много именъ жертвовательницъ, но они не оставляли такого чувства, какое оставило Ваше. Соб-

ственно говоря, имѣть карточку—желаніе не одного меня, а всей роты.

Къ моему письму прошу не относиться строго. Пишѹ какъ братъ къ сестрѣ. Ну, пока всего хорошаго. Остаюсь извѣстный по этому письму NN. 15/1 1915 г.

Что ты, Катя, написала,
Я все съ жадностью читалъ.
И за это сочиненье
Я письмо Вамъ написалъ.
Первымъ долгомъ извѣщаю,
Что табакъ Вашъ получилъ.
Папирску завернувши,
Я такъ важно покурить.
Я Васъ, Катя, не забуду,
Буду помнить вѣчно Васъ,
Если буду не убитый,
Напишу еще не разъ.
Нельзя забыть горячи чувства,
Отъ Васъ несущіяся къ намъ,
И за любовь Вашу къ солдатамъ
Благодарность шлемъ мы Вамъ.

Катя! Не относитесь строго къ нашему стихоплетству, потому что мы—не поэты и писали ихъ не по вдохновенію музы, а просто подбираемъ рифмы на скорую руку, записывая въ памятную книжку.

Ну, пока, если позволите, жму руку. NN“.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

И. НАКАТОВЪ.

ВЪ ЖЕЛѢЗНОМЪ КОЛЬЦѢ.

I.

Наша война—война освободительная. Мы вмѣстѣ съ Англіей и Франціей—странами свободы—освобождаемъ мѣръ отъ оковъ германскаго милитаризма. Побѣдимъ—и, значитъ, падеть власть желѣза и огня, гнѣздо прусской солдатчины будетъ разрушено—и народы Европы смогутъ безпрепятственно создать великія культурныя цѣнности. Народное достоинство болѣе не будетъ бѣшено тратиться на орудія страданія и смерти. Нѣтъ жертвы, которую мы считали бы дорогой ради достиженія столь великой цѣли.

Осуществима ли однако такая цѣль въ ближайшемъ будущемъ?

Нѣтъ спора, что Россія, Франція и Англія являются наиболѣе миролюбивыми державами. Наше предложеніе о разоруженіи народовъ еще много лѣтъ тому назадъ было сочувственно встрѣчено всѣмъ культурнымъ міромъ. Британское правительство недавно только предъ войною выдвинуло предложеніе о сокращеніи морскихъ вооруженій. Въ свое время и французскіе радикалы, ставъ у власти, послѣдовательно и неуклонно проводили политику уменьшенія ига милитаризма (во Франціи). Министрства Комба и Рувье въ 1905 г. производили сокращеніе французской арміи, а Пельтанъ постепенно уменьшалъ военно-морское строительство. Все же справедливость требуетъ сказать, что о полномъ разоруженіи Европы въ близкомъ будущемъ нельзя мечтать. Нужно полное измѣненіе принциповъ современнаго управленія, чтобы рѣшиться сразу остаться безъ охраны пушекъ и пулеметовъ. На это конечно рассчитывать не приходится.

Предъ нами разительные примѣры. Маленькія балканскія народности, какъ извѣстно, положительно истекли кровью въ борьбѣ съ Турціей и въ братоубійственной войнѣ другъ съ другомъ, тѣмъ не менѣе это привело лишь къ еще болѣе интенсивному увеличенію ихъ вооруженій. И болгары, и сербы, и греки, и турки лихорадочно, не покладая рукъ, поподняли въ арміи все, что было уничтожено и опустошено истребительной войной, направляясь до послѣдней степени, чтобы не только довести свои военныя силы до прежняго состоянія, но и возможно ихъ умножить. Въ такое же положеніе будутъ по окончаніи войны поставлены и побѣдившіе союзники и побѣжденные враги ихъ. Весьма возможно, что Германія и Австрія подишутъ въ результатъ ряда тяжелыхъ пораженій самый унижительный для ихъ національнаго достоинства договоръ, но необходимо признать, что стереть съ лица земли нѣмцевъ и нѣмецкую культуру легче пылкимъ перомъ на все терпящей бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Будетъ пожалуй сломлено нѣмецкое могущество, но останется и будетъ тлѣть „нѣмецкая идея“. Турція отдала намъ часть своихъ владѣній, но черезъ рядъ поколѣній и величайшихъ метаморфозъ и катастрофъ она пронесла доселѣ живой идею отобранія принадлежавшихъ ей земель; Франція подписала послѣ войны 1870 года мучительный для ея національной гордости Франкфуртскій договоръ, но мечта о возвратѣ Эльзасъ-Лотарингіи, какъ видимъ, продолжала десятилѣтними тлѣть въ умахъ и сердцахъ. Конечно нѣмцы, въ свою оче-

редь, не перестанутъ всѣми способами готовиться къ реваншу. Наша историческая эпоха—надлежитъ помнить—не эпоха исчезновенія великихъ народовъ.

Германія весьма вѣроятно будетъ значительно ослаблена; но, ослабленная и низведенная съ пьедестала, она все же будетъ самымъ чувствительнымъ мѣстомъ на воспаленномъ и закопченномъ пороховомъ организмѣ Европы. Стало бытъ, побѣдителямъ, дабы они могли удержать въ рукахъ плоды дорогой побѣды, придется быть попрежнему на стражѣ своихъ интересовъ, стало бытъ, всѣ взоры снова будутъ обращены къ огненному и кровавому Молоху, снова можно будетъ спокойно опираться лишь на штыкъ.

II.

Отсюда однако не слѣдуетъ, что нынѣшняя война совершенно лишена освободительнаго значенія. Ея положительная роль въ этомъ смыслѣ не подлежитъ сомнѣнію. Уничтоженіе милитаризма нынѣшняя война не принесетъ, но, будучи доведена до конца, она принесетъ—это можно сказать съ увѣренностью—ослабленіе милитаризма. Побѣда надъ вооруженнымъ германизмомъ дастъ возможность значительно сократить во всѣхъ углахъ міра ассигнованія на армію и флотъ, ибо не будетъ предъ взоромъ правительствъ вѣчной германской угрозы. И это ослабленіе милитаризма уже есть огромное благодѣяніе для человѣчества, ибо рассчитывать на большее въ нашихъ условіяхъ—значитъ, обольщаться несбыточными иллюзіями.

Въ то же время нельзя сомнѣваться, что побѣда германцевъ даже ослабленія милитаризма не принесла бы ни въ коемъ случаѣ.

Если поэтому Молохъ войны не можетъ быть изгнанъ изъ земныхъ предѣловъ, пусть онъ будетъ отданъ въ распоряженіе не Германіи и Австріи, а нынѣшней противугерманской коалиціи. Соудѣйству осуществленію этой единственно возможной цѣли, мы тѣмъ самымъ осуществляемъ великую культурную миссію. Аппетиты германской солдатчины стали только разрастаться—и Богъ вѣсть, куда приведетъ насъ прусскій штыкъ, если мы во-время не выбьемъ его изъ фанатическихъ рукъ.

Ослабленіе милитаризма будетъ осуществлено нынѣшней войной въ размѣрахъ тѣмъ болѣе дѣйствительныхъ и крупныхъ, чѣмъ побѣда надъ австро-германскимъ оружіемъ будетъ полнѣе и очевиднѣе. Половинчатое пораженіе дастъ возможность нѣмцамъ попрежнему шевелиться и громыхать желѣзомъ, наводя панику на мирно трудящіеся народы. Чтобы на долгія десятилѣтія была заглушена идея реванша, прусская солдатчина должна быть разгромлена. Въ противномъ случаѣ можетъ создаться такое положеніе, при которомъ побѣдителямъ не только нельзя будетъ мечтать о сокращеніи вооруженій, но придется всемѣрно озабочиваться и напрягаться для еще большаго увеличенія ихъ. Половинчатая побѣда—это большая угроза для идеи ослабленія милитаризма и для европейскаго мира вообще. И всякій, кто жаждетъ мира побѣды, долженъ въ наши дни желать одного: побѣды надъ Австріей и Германіей.

И. Накатовъ.

Англійская кавалерія на развідкѣ.

ВѢСТИ И МНѢНІЯ.

Германская литература и война.

Въ „Berl. Tagebl.“ находимъ интересный фельетонъ, посвященный вопросу о вліяніи на литературу пережитыхъ Германіей войнъ за послѣднія три столѣтія. Статья, разумѣется, превозноситъ нѣмцевъ, но, очевидно совершенно незамѣтно для себя, авторъ рѣзко противорѣчитъ высококомѣрному утвержденію нѣмецкихъ писателей и ученыхъ, что все хорошее исходитъ изъ Германіи и что съ ея пораженіемъ погибла бы и культура. Обзоръвая четыре эпохи развитія нѣмецкой литературы, авторъ принужденъ сознаться, что „толчокъ“ всегда приходитъ изъ-за границы.

Къ началу Тридцатилѣтней войны, несмотря на то, что прошло уже нѣсколько лѣтъ послѣ смерти величайшихъ поэтовъ Возрожденія,—Сервантеса и Шекспира,—въ Германіи замѣтны были только зачатки новой поэзіи. Средневѣковье ушло, народъ сталъ забывать свои разрозненные діалекты, Лютеръ создалъ новый языкъ—однимъ словомъ, „ко времени, когда умеръ британскій Шекспиръ, все въ Германіи было готово для появленія нѣмецкаго Шекспира“. Но,—какъ съ грустью констатируетъ авторъ,—онъ не явился, и причиной этому была 30-лѣтняя война. Затѣмъ настала пора Семилѣтней войны. Фридрихъ II,—откровенно признается авторъ,—въ произведеніяхъ молодого Шиллера видѣлъ только обычную лесть, а страданія Вертера старый Фрицъ цѣнилъ такъ же, какъ „теперешній кайзеръ цѣнитъ современныя

произведенія, цѣнныя и значительныя для всѣхъ другихъ“. Но это все же не имѣло плохого вліянія: литература развивалась подъ знакомъ подражанія Шекспиру, и очень скоро „одинъ британецъ завоевываетъ всю Германію“. Находясь сначала подъ его вліяніемъ („Разбойники“), Шиллеръ затѣмъ подпадаетъ подъ вліяніе Великой французской революціи („Коварство и любовь“), и только французскій терроръ заставляетъ его умолкнуть. Съ тѣхъ поръ онъ занимается только философскими и историческими изслѣдованіями. Но наступаетъ эпоха Наполеона, и Шиллеръ создаетъ „Валленштейна“.

Освобожденіе Германіи послѣ наполеоновскихъ войнъ нисколько не способствовало процвѣтанію литературы. Побѣдосносный походъ на Парижъ повергъ ее въ молчаніе. Живая литература замерла, зато ожила мертвая. Стали изучать народныя сказки и пѣсни, а изъ „живыхъ“ писателей звучалъ только насмѣшливый голосъ Гейне. И жилъ еще одинъ великій поэтъ, но онъ былъ выше національныхъ страстей; Лейпцигъ и Ватерлоо затрагивали его такъ же, какъ Аустерлицъ и Іена. Послѣднее его слово, обращенное къ человечеству, было: „быть блаженнымъ во всеобщемъ единеніи“.

Послѣ этого чистая литература окончательно замерла. Расцвѣла зато партійная, и такъ это происходило до самой эпохи Бисмарка. Многіе нѣмецкіе поэты воспѣвали этого національнаго героя „крови и желѣза“, но если бы собрать,—говоритъ авторъ,—дѣйствительно художественныя произведенія, ему посвященныя, то получилась бы достаточно тощая книжонка.

Настало новое время; французское золото наводило страну. Возросло благосостояние одних и вмѣстѣ съ тѣмъ стремление къ такому же благосостоянію у „обдѣленныхъ“. На сцену выступаетъ новый социальный классъ, требующій и себѣ мѣсто подь солнцемъ. Предъ писателями возникли новыя проблемы, новые мотивы, и, какъ прежде, „толчокъ пришелъ извнѣ, съ Запада и съ Востока—Золя, изъ Франціи и Толстой изъ Россіи“. Такъ возникла „поэзія состраданія“, или, какъ ее насмѣшливо называли, „литература бѣдняковъ“. Лучшими плодами ея были „Ткачи“ и „Ганнеле“. Слѣдующій толчокъ опять явился со стороны (изъ Скандинавіи). Отъ размышленій о матеріальномъ голодѣ онъ привелъ къ размышленіямъ о голодѣ души. Словомъ, нѣмецкіе писатели пошли за Ибсеномъ. Но вслѣдъ за великими индивидуалистами, Ибсеномъ и Ницше, выступили маленькія, тщеславныя бездарности, утрировавшія стремленія къ индивидуальности. Они начали пѣть свои пѣсни, большей частью также подслушанныя за границей. „Продуктъ импорта“,— называетъ авторъ всѣ произведенія наиболѣе рѣшительныхъ модернистовъ и высказываетъ увѣренность, что нынѣшняя война отдѣлитъ „чистое золото отъ мякнны“. Нѣмецкая же литература безъ громкихъ словъ пойдетъ по настоящему пути, и если будетъ дѣлать заимствованія у другихъ народовъ, то съ большимъ разборомъ. Ближайшей же проблемой для писателей,—предсказываетъ авторъ,—явится вопросъ: „каково взаимоотношеніе между героемъ и народомъ, между матеріальнымъ демократизмомъ и аристократіей духа отдѣльной личности въ общемъ социальномъ организмѣ?“.

И.

ХРОНИКА.

Газета «Frankf. Ztg.» подсчитала, что число патриотическихъ произведеній въ Германіи съ начала войны уже почти перешло за миллионъ. Написано также огромное количество неуклюжихъ патриотическихъ пьесъ. Среди этого потока, заливаго нѣмецкіе театры, выдѣляется пьеса Германа Бара «Веселый мыловаръ», представляющая сатиру на нѣмецкое общество, которое, по словамъ главнаго дѣйствующаго лица, слишкомъ рано сдѣлалось утонченнымъ и затѣмъ не могло съ этимъ справиться. Дѣйствіе происходитъ до войны, но конецъ пьесы уже захватываетъ мобилизацію.

Поправка. Въ № 4-мъ «Голоса Жизни», на стр. 11 въ подписи подь рисункомъ Г. К. Лукомскаго вралась ошибка. Напечатано: «Каплица кашпьяновъ». Слѣдуетъ: «Каплица боймовъ» (1609—1617). Арх. и скульпт. Я. Шольцъ и Я. Пфистеръ.

Какъ великъ на Западѣ интересъ къ искусству Дальняго Востока, показываетъ большое количество книгъ, посвященныхъ этому искусству. Предъ войною въ Парижѣ вышли слѣдующія книги о японскомъ искусствѣ. «Искусства и ремесла древней Японіи» Стеваръ Дика, переведенная съ англійскаго извѣстнымъ знатокомъ восточнаго искусства, Раф. Петруччи. Содержитъ 200 хорошо выполненныхъ иллюстрацій. Въ серіи книгъ по искусству «Art et Esthétique» появилась книга Анри Фосилона «Гокусай», съ 24 воспроизведеніями съ эстамповъ и рисунковъ великаго японскаго художника. Рядъ весьма интересныхъ статей о японскихъ эстампахъ собранъ Луи Оберомъ въ книгу «Мастера японскаго эстампа» (Изд. Armand Colin), снабженную великолѣпными и отчасти впервые появляющимися воспроизведеніями. Одна изъ лучшихъ главъ книги—«Японскій эстампъ и западная живопись въ концѣ XIX вѣка».

М. М. Ковалевскій, И. И. Янжуль (†) и Е. Н. Янжуль.
22 іюля 1914 г.

М. М. Ковалевскій—заложникъ.

Одной изъ самыхъ нелѣпныхъ и ненужныхъ жестокостей, которыя были содѣяны австрійцами, является задержаніе нашего популярнаго профессора и общественнаго дѣятеля, чл. Гос. Сов. М. М. Ковалевскаго, въ Карлсбадѣ въ качествѣ „заложника“, какъ это совершенно точно установлено теперь.

Отсутствіе его на скамьяхъ созваннаго во время войны Государственнаго Совѣта особенно чувствительно ввиду того, что М. М. всегда умѣлъ найти въ экстраординарныхъ минуты нужный тонъ и яркую форму выраженія должнаго настроенія.

Мы слышимъ, что „заложникъ“ стойко переноситъ производимое надъ его личностью насиліе. Но мы должны понимать, какъ тяжело ему должно быть именно теперь—во время начавшейся работы его коллегъ по Государственному Совѣту.

И является вполнѣ умѣстнымъ именно теперь вспомнить о немъ, послать ему дружескій привѣтъ и теплое сочувственное рукопожатіе, если нельзя иначе, то хотя черезъ прессу.

Исполняя это непреодолимое побужденіе, я и взялся за перо, чтобы написать эти нѣсколько строкъ, добавивъ къ нимъ несомнѣнно послѣднюю фотографію М. М. Ковалевскаго, снявшагося вмѣстѣ со своими старыми друзьями Е. Н. и И. И. Янжулами 22 іюля въ Висбаденѣ. И. И. Янжуль, какъ извѣстно, былъ задержанъ въ Германіи тоже въ качествѣ заложника и тамъ скончался. Е. Н. Янжуль, отъ которой я получилъ открытку съ этимъ ихъ снимкомъ, благополучно возвратилась въ Петроградъ.

Н. Бородинъ.

Жур
тор
сов
ніяхПрс
ско
тех
Съ
отч
и п
тех
гид
дов
б) (По.
Па:

По,

Ст
отѣ

О

на
ху
нну
зу
ок
Н.
ре
са
Н.
ск
ксИ.
Д.
М.
АФ
П

ежо

ски
бол
ре:
бол

ТЕ

же
ва
жукъ
А

91

н

1.
пр
о:
н:н:
г:
се

Р

Е

п

С

П

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ И ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакцію **Д. В. ФИЛОСОВО**, въ **82-хъ КНИГАХЪ** (до 9.000 стран. текста въ $\frac{1}{8}$ долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены **портреты автора** на мѣловой бумагѣ и его **біографія**. Обложка худ. **Д. Н. Митрохина**. Изданіе начнется съ романа „**Война и Миръ**“, за которымъ послѣдуютъ **ВСѢ остальные** произведенія **Л. Н. ТОЛСТОГО**, и будетъ дано въ 1915 г. **звѣздъ БЕСПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ** къ слѣдующимъ журналамъ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II

„Голосъ Жизни“—первый русский иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣль соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ—къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества. Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ—такое основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“—богатъ иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографические снимки съ театра военныхъ дѣяній.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи **Д. В. Философова**.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусилова, Б. Верхостинскаго, З. Гиппиуса, С. Городецкаго, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачаровой, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Ропшина, Ю. Слезинина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, Н. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владимира Гиппиуса, В. Ирецкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробинъ, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайнего, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Б. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нецитайло-Андриенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Себорова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и **82 КНИГИ** ПОЛНАГО СОБРАНІЯ **Л. Н. ТОЛСТОГО.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой **8 р. 50 к.**
допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **3 р. 50 к.**, къ 1-го марта—**2 р.**, къ 1-го іюня—**2 р.**, къ 1-го августа—**1 р.**

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ **Л. Н. Толстого**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—**4 р. 50 к.**, за полгода—**2 р. 50 к.**, за 3 мѣс.—**1 р. 35 к.**

При подпискѣ необходимо точно указывать избранный журналъ и число книгъ.—Подписка адресуется въ **Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и 2) Садовая, д. 20**

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“—еженедѣльный иллюстрированный журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія міровой жизни, съ интересными рассказами—новинками русской и иностранной литературы и проч.—**ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ**

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. илл. отдѣла „СМѢХЪ И САТИРА“, а также

12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и домовод.), **ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ** на 1916 г., изящная **КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВИДАНІЕ“** и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. **7 р. 50 к.**
допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **3 р.**, къ 1-го марта—**1 р. 50 к.**, къ 1-го іюня—**1 р. 50 к.**, къ 1-го августа—**1 р. 50 к.**

Принимается **УДЕШЕВЛЕННАЯ** подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и

50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ

Льва Ник. ТОЛСТОГО

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. **ШЕСТЬ (6) руб.**
допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—**ДВА (2) р.**, къ 1-го марта—**1 р. 50 к.**, къ 1-го іюня—**1 р. 50 к.**, къ 1-го августа—**1 руб.**

Несмотря на ОБЩЕДОСТУПНОСТЬ цѣны. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО будетъ издано ИЗЯЩНО, четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, въ красивой обложкѣ.

Ввиду высокой ЦѢННОСТИ для культурнаго міра творчества Л. Н. ТОЛСТОГО, будетъ обращено особенное вниманіе на ТЩАТЕЛЬНОСТЬ ПЕЧАТИ и ИЗЯЩЕСТВО ВНѢШНЯГО ВИДА полнаго собранія его сочиненій.

Каждый **НОВЫЙ** подписчикъ получаетъ **ВСѢ НОМЕРА** журналовъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ или „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ съ приложеніями, начиная съ № 1-го.

Необходимо при уплатѣ **ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА** точно указать, желательно ли получать журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО, или **БЕЗЪ** этихъ книгъ, а журналъ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“—съ 82-мя или 50-ю книгами сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО.